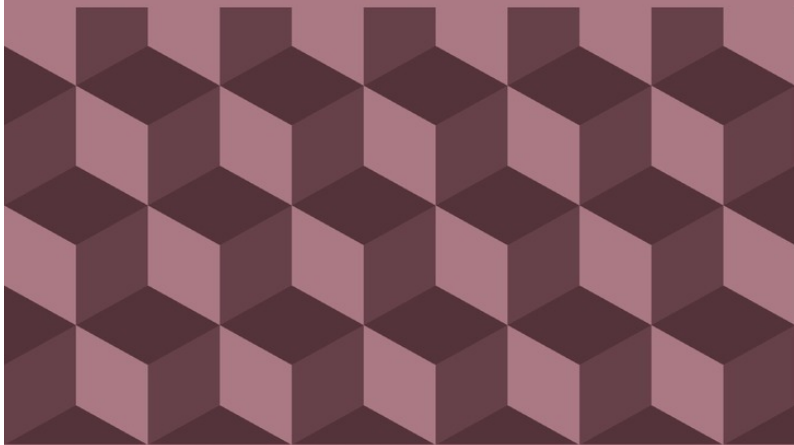

Светлана Бестужева-Лада

КОГДА КРУГ ЗАМКНУЛСЯ

Светлана Бестужева-Лада

Когда круг замкнулся

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12487772

ISBN 9785447432669

Аннотация

В далеком заполярном городе, где практически никогда не было преступлений, в один день находят убитыми трех молодых женщин. Следователь Виктория Керн, пытаясь раскрыть эти убийства, обнаруживает, что все они связаны с преступной группировкой, в которую входит... ее родная мать.

Содержание

Глава первая. Салон красоты	6
Где-то в России много лет тому назад	39
Глава вторая. Виктория	46
Где-то в России тридцать лет тому назад	80
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Когда круг замкнулся

Светлана Бестужева-Лада

© Светлана Бестужева-Лада, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Число тринадцать мало кому кажется счастливым. А уж если оно попадает на понедельник или на пятницу... Впрочем, администратору салона красоты, работающего без выходных, то есть и по субботам, и по воскресеньям, обычный календарь – не указ. У него, администратора, свой график – два дня через два дня по двенадцать часов без перерыва на обед.

С другой стороны, люди с таким графиком работы – тоже люди, ничто человеческое им не чуждо, в том числе, и суеверия. Поэтому когда в пятницу тринадцатого июня по дороге на работу администратор Лариса стремительно покатила вниз, считая ступеньки на лестнице собственного подъезда, она все-таки, хотя и была сильно напугана, успела подумать про злосчастное число, а потом потеряла сознание.

Соседи вызвали «Скорую», Ларису отвезли в больницу, определили, что сломана нога, ушиблены ребра, и есть сотрясение мозга, а вместе с обезболивающим, перед тем,

как накладывать гипс, вкатили и солидную дозу снотворно-успокоительного. Лариса успела только попросить позвонить на работу, предупредить о случившемся, и отключилась.

Медики ее просьбу выполнили, в салон позвонили. Временно заменять Ларису пришлось одной из маникюрш, поскольку второй администратор был (точнее была) «вне зоны досягаемости». Так что звонка в салон красоты было мало для того, чтобы предотвратить последовавшую цепь событий, мягко говоря, неприятных.

А что вы хотите – тринадцатое число!

Глава первая. Салон красоты

Этот дом стоял хоть и не в самом центре заполярного Города, но и не на его окраине, где до сих пор сохранились деревянные бараки первопроходцев и добровольных строителей коммунизма. На тихой, зеленой в недолгие летние месяцы улице, стояло единственное когда-то в городе кирпичное двухэтажное здание чего-то руководящего. То ли обкома, то ли облисполкома – за давностью лет и чередой событий уже и не припомнить.

Официально Городу едва сравнялось тридцать лет, и по первоначальным планам его вообще хотели построить под огромным стеклянным куполом – воплотить, стало быть, в жизнь мечты писателей-фантастов. Но что-то не сложилось. А главное, Город и без того был «режимным» – то есть закрытым и засекреченным, и привлекать к нему особое внимание какими-то архитектурными изысками было совершенно не обязательно.

В начале семидесятых годов прошлого века в связи с открытием месторождения природного газа «Медвежье» началось интенсивное строительство Города. А поскольку природный газ являлся в какой-то мере стратегическим сырьем, то без специального разрешения в Город не мог приехать никто, любое новое лицо тут же становилось заметным, любые перемены в жизни соседей – достоянием гласности.

Вот оттуда, из этой «тепличной» обстановки и потянулись корни почти полного отсутствия в Городе криминала в любом его виде. До сих пор горожане оставляют машины не запертыми, не прячут магнитолы, которыми оснащены их автомобили, практически не ставят противоугонных средств.

В Город сейчас может приехать, кто угодно, и может покинуть Город в любой момент. Но по-прежнему невозможно это сделать незаметно: один аэропорт и одна пригодная для эксплуатации в любое время года дорога – вот те две нити, которые связывают Город с остальной Россией.

Времена застоя здесь по сей день называют «застойно-благословенными»: Город снабжался по особой программе, о длинных очередях его жители знали только понаслышке, а заработная плата чуть ли не в три раза превышала средний уровень заработков «на Большой Земле». Да, морозы, да, полярная ночь, но ведь рано или поздно человек ко всему привыкает, а для тех, кто родился в Городе, других условий жизни просто не существовало, они видели их по телевизору или читали в книгах, но всерьез не воспринимали.

Но потом времена круто изменились, появились новые хозяева – и жизни и города. Перемены не были к лучшему (с точки зрения горожан, разумеется). В Город, в одночасье переставший быть секретным и закрытым, хлынули коммерсанты со всей страны, привозя с собой не только всякие экзотические продукты (бананы и фейхоа, например) и огромное количество импортного ширпотреба, но и «сопутствующие

товары»: рэкет, спекуляцию, проституцию, грабежи и убийства. Местные правоохранительные органы были просто парализованы и количеством преступлений и их неожиданностью.

И вдруг все прекратилось, точно по мановению волшебной палочки. Заезжие коммерсанты стали вести себя тише воды, ниже травы и ни в какие конфликты с законом старались не вступать. Резко уменьшилось число «лиц национальности», а оставшиеся стали просто образцово-показательными продавцами и гражданами.

Да и политическая жизнь в Городе протекала на зависть всем другим городам: всенародно избранным мэром стал бывший первый секретарь горкома партии, его помощниками – тоже проверенные люди старой закалки. Никаких конфликтов с центром, никаких «независимых депутатов», никаких митингов, демонстраций и забастовок. Город спокойно принял первого президента России и еще спокойнее – второго. У его жителей были дела поважнее политических баталий.

Все эти чудеса произошли после того, как одно из старых административных зданий было в рекордные сроки капитально перестроено для филиала одной из крупнейших нефтяных компаний России. Полномочный представитель этой компании на удивление быстро нашел общий язык с «отцами города» и правоохранительными органами.

Помогло, наверное, то, что о «задержках зарплат» горо-

жане почти мгновенно забыли, а что такое отключение воды, электричества или газа – вообще больше не ведали. Зато и задолженностей по оплате коммунальных услуг практически не существовало.

Новое здание мэрии было отстроено в самом центре, а прежняя резиденция, несколько раз сменив владельцев, в конце концов была задрапирована зелеными сетками, как это сейчас модно, и стала перестраиваться. Работа шла в три смены и любопытным гражданам мерещилось, что там возводят нечто совсем уж из ряда вон выходящее: высотное здание, как в столице, или собор – как в Екатеринбурге (бывшем Свердловске).

Ошибались, как выяснилось со временем, и те, и другие.

Когда здание было освобождено от всех лесов и укрытий, обнаружилось четырехэтажное (всего лишь!) облицованное камнем сооружение с немереным количеством тонированных стекол. Верхушка тоже была застеклена и представляла собой широкий конус, под которым, как потом выяснилось, располагался зимний сад. Подниматься в это великолепие можно было в застекленном лифте, пассажирам которого открывался роскошный вид сверху на вестибюль и вход в ресторан. Само же здание было гостиницей, даже не гостиницей, а отелем, причем пятизвездочным.

До этого в городе было лишь ведомственное заведение, где командировочные спали по четыре-шесть человек в комнатах с удобствами в коридоре. Небольшому начальству

предлагались двухместные номера с умывальником, среднему – два одноместных «люкса» с персональным туалетом и душем. Для особо почетных гостей существовала «дача», про которую рассказывали всякие чудеса, но которую никто из местных жителей изнутри никогда не видел. Да и снаружи не больно можно было разглядеть, что там находится за высоким забором и низкорослыми елками.

Новое же сооружение называлось «Черное золото», поскольку строилось на деньги нефтяной компании и для ее гостей. Но в городе никто его так никогда не называл, говорили просто – Отель. И все понимали, о чем идет речь. Самой большой удачей в жизни считалось устроиться в этот отель на работу – хоть кем. Но отбор кадров туда был гораздо строже, чем на какое-нибудь режимное предприятие. Включая подписку о неразглашении, что было совсем уж непонятно и интригующе.

Осталось сказать, что стоимость самого скромного номера этого заведения в сутки намного превышало официально установленный для обычных российских граждан ежемесячный прожиточный минимум. Справедливости ради нужно добавить, что обычные российские граждане там и не появлялись: для них по-прежнему функционировала старая гостиница, которую лишь чуть-чуть обновили. Так, косметический ремонт, не более того.

Зато таинственная «Дача» была рассекречена и превращена в филиал старой гостиницы. Коттеджи на восемь комнат,

с общим холлом-гостиной и небольшой столовой, плюс крохотная сауна на две кабинки с мини-бассейном. Попасть туда можно было достаточно свободно: цена отпугивала обычных командировочных и была вполне по карману служащим нефтяных компаний среднего звена.

Директором обеих гостиниц был некто Федоров Никита Иванович, который, собственно, царствовал, но не правил, поскольку в основном встречал всевозможных важных гостей и вообще «руководил процессом». Правила администраторы, по-современному, старшие менеджеры: Надежда Степановна – в гостинице и Вера Матвеевна в Отеле и на «даче».

Хозяйство Надежды Степановны было обычным и ничем из ряда вон не выдающимся. Что же касается «Отеля», то при нем, кроме ресторана и бара в зимнем саду, имелись еще и несколько магазинчиков, пардон, бутиков, в вестибюле, бассейн с массажными кабинетами, а также салон красоты, про который в городе тоже ходили легенды.

Возможно, потому, что солярий и сауна этого заведения находились в подземном этаже, то есть в подвале бывшего административного здания, где вообще-то можно было разместить вполне приличный спортзал, и где сохранилась такая система коридоров и вентиляционных шахт, что новичку ничего не стоило заблудиться. Впрочем, туда вообще мало кто совался, тем более – новички.

Салоном красоты, как и всем Отелем, заправляла Вера

Матвеевна. Точнее, следила за тем, чтобы хозяева и арендаторы и салона, и ресторана, и бара, и многочисленных киосков поддерживали у себя абсолютный порядок, брали на работу только проверенные кадры и не ввязывались ни в какие сомнительные дела.

Салон, впрочем, был ее слабостью: она откровенно гордилась тем, что заведения такого класса и в столицах – наперечет. В Городе же до недавнего времени вообще было только полдюжины парикмахерских со столиком маникюры и двумя-тремя мастерами в когда-то белых халатах.

Возможно, по этой причине, а возможно и потому, что первоначально салону нужна была реклама, местные жители заходили в салон как в музей – полюбоваться аппаратурой и ужаснуться ценам. Но вскоре поток любопытных иссяк, у салона создалась своя постоянная клиентура, а подруги важных гостей города считали для себя просто необходимым побывать в местной достопримечательности. Экзотика же – такое заведение в Заполярье! Вот – чум с оленьей упряжкой, а вот – салон красоты по европейским, если не мировым стандартам. С ума сойти!

Руководство отеля умело и тактично поддерживало самые теплые отношения с местными властями и органами охраны правопорядка, в гостинице никаких ЧП не происходило, а если и происходило, то об этом практически никто не знал, поскольку люди, обязанные знать это по долгу службы, держали язык за зубами, а местная газета, выходившая дважды

в неделю, свои сенсации черпала, в основном, в Интернете.

Единственное, что в Городе существовало почти легально, и с чем никто ничего не мог поделать – это девицы и дамы так называемого легкого поведения. Правда, среди жриц любви местные жительницы были наперечет: даже совсем еще «зеленые» старшеклассницы категорически отвергали возможность для себя сделать карьеру фотомодели или манекенщицы. Если же кто-то из красавиц и уезжал из Города, то не возвращался уже никогда и даже не поддерживал никаких связей с «малой родиной».

В общем, заштатный когда-то городишко обрел вторую молодость и расцвел пышным цветом. Правда, еще кое-где по окраинам сохранились бараки, правда, большую часть «жилого фонда» составляли панельные четырехэтажки, но уже был квартал «домов улучшенной планировки», поставленных «подковой» для защиты от пронизывающих ветров.

Была собственная телевизионная студия с тремя сотрудниками и Дворец Культуры, соответствующий своему названию. Раз в две недели – гастролы какой-нибудь знаменитости, каждую неделю – два новых фильма и чуть ли не ежедневно – танцы. Ну, пусть дискотека, зато без скандалов и пьяной шпаны. Можно сказать, культурная жизнь в Городе просто била ключом.

Так что спокойствие в Городе было почти абсолютным. И меньше всего неприятностей в криминальном плане ожи-

далось от Отеля. Хотя известно, что больших денег без криминала почти никогда не бывает. Не в том смысле, что любое большое состояние нажито криминальным путем, отнюдь. А в том, что рядом с большими деньгами в нашей стране обязательно имеется криминал. Разница лишь в том, явный он или тайный.

И уж тем более никто не ждал никаких неприятностей от салона красоты: любая женщина, вознамерившаяся стать красивой, не допустит, чтобы ей в этом святом деле мешали рэкетиры, мафия или просто случайные хулиганы. И, в свою очередь, ни один дурак, пусть даже и полный «отморозок» не полезет туда искать приключений на свою голову. Дешевле и безопаснее ограбить банк или что-нибудь еще столь же плохо охраняемое.

Как уже говорилось, святилище красоты и элегантности занимало помещение на первом этаже отеля. Там уютно устроились парикмахерский, педикюрный и маникюрный залы, комната для косметических процедур и небольшой бар. Стойка администратора размещалась так, что можно было видеть любую дверь, всех входящих и выходящих, а также следить за тем, достаточно ли внимательно и вежливо мастера обслуживают клиентов.

Места не хватило только солярию: его устроили в подвальном этаже вместе с сауной и бассейном. Но и это лишь добавляло заведению элегантности: искусственное освещение и искусная подсветка бассейна создавали совершенно уж

умопомрачительную атмосферу, приправленную тихой, навевающей покой музыкой. Клиентки это место просто обожали.

Тот жаркий июньский день, который надолго запомнился всем участникам последовавших событий, начинался не совсем обычно. Появились первые клиентки у парикмахеров, у маникюрш, в косметическом кабинете. Непрерывно звонил телефон.

А администратора Ларисы – миниатюрной блондинки на высоченных каблуках, которая обычно без устали порхала по салону, успевая одновременно все: и отвечать на телефонные звонки, и делать комплименты постоянным клиенткам, и указывать уборщице, где и что надлежит немедленно привести в порядок, – администратора-то на месте и не было. А без нее все это сложное заведение грозило просто рухнуть под собственной тяжестью, то есть из-за собственной сложности.

Руководить заведением пришлось всем вместе, то есть тому, кто был в данную минуту наиболее свободен и мог подойти к телефону или принять у клиентки деньги. Ну, с деньгами-то все было просто. Мастера пока получали выручку сами и записывали ее на листочках. А вот все остальное...

К полудню в Салоне образовался маленький хаос, который должен был вот-вот взорваться огромной неразберихой. И детонатором послужила совершенно ни в чем неповинная маникюрша Ирина, у которой не оказалось клиентки именно

в это время, то есть сразу после полудня.

Часов в двенадцать с четвертью около стойки администратора появилась молодая – не старше двадцати пяти лет – женщина, внешность которой бросалась в глаза даже привычному к причудам «новых русских» персоналу салона.

Высоко взбитые платиновые волосы были украшены огромным черным шелковым бантом, со стразами. На угольно-черные ресницы можно было уложить в один ряд не менее пяти спичек, а губы казались поролоновыми – такой щедрый слой ярко-малиновой помады на них лежал. Декольте, казалось, заканчивалось там, где начиналась мини-юбка и девица не выглядела голой только потому, что все свободное от одежды тело было залито украшениями. На первый взгляд – золотыми.

– Солярий свободен? – осведомилась девица неожиданно низким голосом. – А то у меня мало времени.

Ирина открыла книгу регистрации и обнаружила, что солярий был заказан на двенадцать часов какой-то Нат. Георгиевной, но опрошенные коллеги объяснили, что клиентка так и не подошла и не позвонила. Значит, даже если явится, спокойно может обождать еще пятнадцать минут, поскольку никакого контактного телефона не оставила.

– Как раз сейчас свободен, – любезно ответила Ирина. – Клиентка опаздывает. На сколько минут желаете?

– Минут! – фыркнула девица. – Час. Мне сегодня вечером надо отпадно выглядеть. Сколько?

– Но так долго...

– Сколько? Ста баксов хватит?

– Ста долларов? – слегка ошалела Ирина. – Разумеется, даже много. Но послушайте...

Клиентка достала из небольшой сумочки плотную пачку банкнот и отделила одну бумажку.

– Мы берем в рублевом эквиваленте, – совсем слабо попыталась возразить Ирина.

– А с меня возьмешь баксами, – отрезала девица. – Я «деревянных» не держу. Сдачу можешь оставить себе – на жвачку. И побыстрее, меня на улице ждут.

У входа в отель действительно стояла белая иномарка возле которой невозмутимо курили два «качка» – судя по всему, телохранители. Их вид вызывал одно-единственное желание: никогда и нигде с ними больше не встречаться.

И Ирина предпочла нарушить правила российской сферы обслуживания, а заодно и правила пользования солярием, пребывание в котором теоретически не должно превышать двадцати минут, и то со второго или третьего сеанса. К тому же даже часовой сеанс стоил от силы треть той суммы, которую вручила ей клиентка, и этот аргумент оказался самым убедительным.

Ирина сама проводила платиновую красотку в солярий, показала ей, как пользоваться защитными очками и какую кнопку в случае чего нажимать. Закрыла стеклянный колпак огромной капсулы, проверила, все ли в порядке и верну-

лась в салон, где ее ожидало несколько недовольных клиентов, всевозможные проблемы которых нужно было решать немедленно.

«Ну, удружила Лариса, – думала Ирина, пытаясь удержать на лице милую улыбку. – И как она с этим хозяйством управлялась? А со стороны казалось – играет... Господи, скорее бы уж нашли ее сменщицу! Хотя и с другой смены, но все равно своя... Мне сейчас просто будет дурно от всего этого...»

Радовало только то, что неизвестная Нат. Георгиевна так и не появилась, хотя мысленно Ирина приготовила целую речь относительно небольшой поломки солярия и необходимости подождать. Но прошло уже сорок пять минут, а все было тихо. Настолько тихо, что о платиновой девице Ирина благополучно забыла, занялась своей работой, благо подошла очередная клиентка, и вспомнила лишь тогда, когда какая-то дама ледяным голосом поинтересовалась, что здесь сегодня происходит.

– А что происходит? – спросила совершенно ошалевшая Ирина.

– Солярий, наконец, освободился? Или мне еще ждать?

Ирина посмотрела на часы и обнаружила, что сверх щедро оплаченного часа, блондинка торчит в солярии уже десять минут и, кажется, выходить вообще не собирается. Заснула, что ли?

– Сию минуту, – мило прощепетала Ирина и крикнула бу-

фетчице: – Аллочка, сделай даме чашечку кофе. Я спущусь в солярий, узнаю, как там... А вы пока лак сушите, приду – третий слой положу.

Три минуты спустя Ирина, подняв пластиковый колпак прибора, ошеломленно смотрела на неподвижное, покрытое густым загаром женское тело, не подававшее никаких признаков жизни. Первой мыслью было: солнечный, то есть тепловой удар, второй – телохранители на улице. Действие же никак не было связано ни с той, ни с другой: Ирина уронила колпак прибора, схватила мобильник и дрожащими пальцами набрала «02».

– Милиция! – пролепетала она в трубку. – Здесь мертвая женщина... В солярии... В нашем солярии, в салоне красоты... Господи, да в Отеле же!

Позвонить предварительно руководству отеля ей в голову не пришло, хотя это было бы самым разумным. Но мысль о ждущих на улице охранниках буквально парализовала Ирину и она с большим трудом заставила себя подняться наверх, в салон.

У самой лестницы ей показалось, что сзади нее раздались чьи-то быстрые шаги. Не оглядываясь и не проверяя свои подозрения, Ирина взлетела наверх и без сил рухнула на ближайший же диванчик в холле салона. И тут же вздрогнула от резкого звонка телефона на стойке администратора.

– Что происходит? – услышала она властный голос Веры Матвеевны. – Лариса, зачем ты вызвала милицию?

– Это не Лариса, – пролепетала в трубку Ирина. – Лариса не пришла.

– То есть как не пришла? Почему?

– Нogu, кажется, сломала, в больницу отвезли.

– А Тамара где?

Тамара – второй администратор – накануне отдежурила второй день и теоретически была два дня свободна.

– Не знаю, – в голос зарыдала Ирина. – К телефону она не подходит, а мобильник отключен. Она же сегодня не работает...

– Без тебя знаю! – оборвала ее Вера Матвеевна. – Прекрати реветь, клиентов распугаешь. Сейчас спущусь.

Действительно, в салоне уже начали прислушиваться к звукам истерики в холле, а самые любопытные (или менее занятые) уже высовывались посмотреть, что происходит. Но Ирина на вопросы не отвечала и только стонала:

– Ой, девочки... Ой, девочки, что случилось... Ой!

Кто-то сердобольный сунул ей стакан воды с корвалолом, кто-то пошел доставать валерианку, но в этот момент в салон вошла Вера Матвеевна.

– Работать надоело? – с нечеловеческой мягкостью спросила она у сочувствующих и любопытных. – Клиенты подождут, да?

Всех, кроме рыдающей Ирины, из холла как ветром сдуло.

– Так что случилось? – все так же мягко спросила Вера Матвеевна.

Статная, с прекрасно сохранившейся фигурой Вера Матвеевна не пыталась скрыть свой возраст: густые, совершенно седые волосы не красила, косметику использовала по минимуму. И все же ни у кого язык бы не повернулся назвать ее пожилой женщиной, поскольку все это ее, как ни парадоксально, сильно молодило, да к тому же она выглядела необыкновенно ухоженной и выхоленной.

А главное – у нее были необыкновенной красоты зеленые глаза, чуть приподнятые к вискам, «русалочки». Никакие контактные линзы, никакой, самый искусный макияж так не украсил бы женщину. И Вера Матвеевна, судя по всему, прекрасно знала об этом, поскольку обычно носила очки с тонированными стеклами и снимала их довольно редко. Зато – метко.

И держалась так, словно в службу быта попала чисто случайно, по какой-то нелепой прихоти судьбы, а на самом деле должна быть как минимум герцогиней. Никто ни разу не слышал, чтобы она повысила голос, и, тем не менее, инстинктивно боялись ее, как огня. Ирина исключения из этого правила не составляла.

– В солярии женщина... мертвая, – пролепетала Ирина.

– Кто такая?

– Не знаю.

– А в книге записей?

– Там... там записана какая-то дама, но она не пришла...

– Кто записывал?

– Не знаю...

В этот момент появилась милицейская бригада в составе эксперта-криминалиста, сурового и молчаливого мужчины лет сорока, судмедэксперта, наоборот, жизнерадостного и румяного молодого человека, фотографа, и, судя по всему, следователя: худенькой рыжеволосой девице в тонированных очках, типичную «училку». Кинолог с собакой, как выяснилось, ожидали на улице.

Так что разговор к величайшему, но тщательно скрываемому недовольству Веры Матвеевны, пришлось прекратить. Точнее, перейти совсем к другому разговору и в другом месте. Поскольку первое, что она сделала, – увела представителей правоохранительных органов вместе с кинологом на место преступления. Проще говоря, попросила всех спуститься вниз, в солярий.

Естественно, Ирина оставила дверь в солярий настежь открытой, но колпак был закрыт. Это вызвало первый недоуменный вопрос криминалиста:

– А как же обнаружили труп?

– Я открыла колпак... – пролепетала Ирина. – Увидела...

И позвонила...

– Колпак закрыли?

– Н-не помню, – с запинкой ответила несчастная маникюрша. – Кажется, нет. А может быть... автоматически.

– Так закрыли или нет?

– Не помню, – ответила Ирина и собралась было снова

плакать, но наткнулась на ледяной взгляд Веры Матвеевны и от своего намерения отказалась.

Фотограф тем временем приступил к своим непосредственным обязанностям, не дожидаясь никаких указаний. Судя по всему, он в них уже давно не нуждался, поскольку и эмоций у него на лице никаких не выразилось. А было от чего выразиться-то.

Мертвая женщина казалась куклой, забытой здесь каким-то ребенком-великаном. Абсолютно обнаженная, только со специальными черными очками на глазах, она не выглядела трупом – в общепринятом понимании этого слова. Тем более что никаких следов крови не было: ни огнестрельных, ни колото-резанных ран на роскошном теле не просматривалось. Да и на шее следов удушения не наблюдалось.

– Она могла умереть от сердечного приступа? – спросил криминалист у судебно-медицинского эксперта, приступившего к осмотру тела. – Или от этого излучения... для загара.

Вера Матвеевна испепелила его взглядом, но смолчала. Эксперт же, не прекращая работы, пробормотал:

– Теоретически она могла умереть от внезапной остановки сердца. А вот чем эта остановка вызвана... Такое впечатление, что смерть настигла ее во сне: выражение лица абсолютно безмятежное. Впрочем, эти черные очки...

Он аккуратно освободил мертвую девушку от очков – и вздрогнул, а некоторые из наиболее слабонервных присутствующих даже ахнули: на них смотрели широко распахну-

тые глаза, в которых застыло выражение такого изумления, что говорить о безмятежной кончине во сне как-то не получалось.

– Интересно, – заметил эксперт, отправившись от некоторого шока, – кто же нашу покойницу так удивил? Или что? При этом лицо не искажено, руки не сжаты в кулаки и вообще спокойно лежат вдоль тела. Может быть, она узнала убийцу?

– Через эти очки ничего не видно, – негромко заметила Вера Матвеевна. – Специальные стекла, не пропускающие света.

– Тогда я вообще ничего не понимаю. Никаких следов... Хотя... позвольте...

Сбоку на шее у мертвой девушке виднелось небольшое синеватое пятнышко.

– Это не укол, – констатировал эксперт, распрямляясь и растирая затекшую спину. – Больше всего похоже на следы пылкой любви. Засос, в просторечье.

Девушка-следователь открыла было рот, чтобы что-то сказать, но передумала и промолчала. Вместо этого достала планшет, бумагу, ручку и приготовилась писать протокол первоначального осмотра.

– Фамилия, имя потерпевшей известно? – спросил она, не поднимая головы.

Вера Матвеевна требовательно посмотрела на Ирину. Та сначала побледнела, потом побагровела и снова решила за-

плакать. Но администратор прервала этот процесс в зародыше.

– Как она назвалась при записи? – спросила она.

Молчание.

– Я спрашиваю, как ты ее записала в книгу посетителей? – слегка повысила голос Вера Матвеевна.

Снова молчание.

– Сколько она тебе заплатила? Ну!

– Она приехала с охраной... Такие морды на джипе... Я испугалась. А солярий был свободен... Я хотела потом записать, она так торопилась...

– При чем тут охрана? – с металлом в голосе спросила Вера Матвеевна. – Что они могли тебе сделать, дура ты непроходимая? Почему ты мне не позвонила, когда узнала, что Лариса попала в больницу? Отвечай, ну!

– Дамы, дамы, – вмешался криминалист, – ваши внутренние разборки сейчас никому не нужны. Осмотр тела завершен, осталось осмотреть место преступления. Это – одежда потерпевшей?

На банкетке в углу лежало несколько ярких и на вид невестомых тряпочек: топик, мини-юбка и черные кружевные трусики. Тут же валялась раскрытая сумочка, а на полу стояли босоножки: десятисанметровый позолоченный каблук и несколько позолоченных ремешков, прикрепленных к подошве. Сумочка оказалась практически пуста: тюбик помады, пудреница и пачка сигарет. Ни денег, ни документов.

– И это все ее вещи? – изумился оперативник.

– На ней были еще золотые украшения, – пролепетала Ирина. – Она должна была их снять перед тем, как лечь в капсулу...

– Какие?

– Разные. Цепочки, браслеты, серьги, кольца, конечно, еще что-то... Она была просто залита золотом с ног до головы.

– Золотом? И где это все сейчас?

Ирина беспомощно пожала плечами и расплакалась, повторяя, как заведенная:

– Я не брала... это не я... я не брала...

На сей раз никто не стал ее останавливать, было просто не до того. К тому же мудрые восточные люди, большие специалисты по женщинам, давно подметили: чем больше женщина плачет, тем реже она бежит по малой нужде.

– Значит, убийство с целью ограбления, – подвел итог оперативник. – Теперь нужно поговорить с теми, кто ее сюда доставил, установить личность, так сказать. Андрей, пускай Бурбона, пусть поищет хоть какие-то следы. Не по воздуху же сюда убийца прилетел.

Андрей, подвел огромную овчарку к сумочке убитой и негромко сказал:

– Ищи, Бурбон. Ищи.

Бурбона не нужно было просить дважды, он с такой резвостью выскочил за дверь солярий, что проводник Андрей

едва удержался на ногах.

— А вас, девушка, попросим после всего проехать с нами, — сказала следователь. — Для более подробной беседы.

— Вы меня арестуете? — с ужасом спросила Ирина, тут же перестав плакать.

— Задерживаем, — мягко поправила ее следователь. — Для выяснения всех обстоятельств. Драгоценности вы не брали, это ясно по поведению Бурбона. Но все остальное придется выяснять в более подходящем месте.

— Вы что... считаете меня воровкой? — ахнула Ирина.

— Проверять нужно все версии, — получила она довольно-таки уклончивый ответ.

— И надолго вы ее задерживаете? — с некоторой иронией в голосе осведомилась Вера Матвеевна. — Ирина, между прочим, должна работать.

— Представьте себе, мы тоже, — спокойно отозвалась следователь. — Только у нашей работы своя специфика.

— Могу я чем-нибудь быть полезна? — сменила тон Вера Матвеевна.

— Безусловно. Предоставьте помещение для предварительного опроса возможных свидетелей.

— Вы можете это сделать в кабинете администратора салона. Там есть и стол, и кресла, и телефон.

— А администратор?

— Она попала в больницу с переломом ноги. К сожалению, я поздно об этом узнала.

– Почему «к сожалению»?

– Потому что приняла бы соответствующие меры и никаких таинственных трюпов мы бы сейчас не имели.

Эта фраза сопровождалась таким тяжелым взглядом в сторону разнесчастной Ирины, что не только ей – все присутствующим стало понятно: девушке придется искать себе новое место работы. Нарушение трудовой дисциплины, получение взятки на рабочем месте... Букет моей бабушки, одним словом.

– Тогда вам придется тоже пока остаться. Боюсь, без вашей помощи мы в специфике не разберемся. Как-то не приходилось бывать в салонах красоты, даже в парикмахерскую никак не выберусь.

Следовательно явно пыталась разрядить обстановку шуткой, но присутствующие – каждый по своей причине – принимать шутку отказались.

Тут вернулись Бурбон с Андреем, причем вид у собаки был далеко не победоносный.

– Довел до какой-то запертой металлической двери. Судя по всему, злоумышленник скрылся именно этим путем. Надо бы с двери пальчики снять, а потом отпереть ее, чтобы дальше искать.

– Какая дверь? – спросила Вера Матвеевна.

– Я же говорю, темно-зеленая, металлическая в самом конце коридора.

– Это аварийный выход, им никогда не пользуются. Когда

строили бассейн и солярий, через эту дверь заносили все инструменты и материалы. А потом заперли. Я даже не помню, где ключи от этой двери. Наверное, у коменданта.

– Значит, пригласите сюда коменданта с запасным комплектом ключей. И покажите, куда эта дверь ведет, то есть как к ней подойти с улицы.

– Дверь в глубине двора, в углу.

– Тогда распорядитесь насчет ключей.

Вера Матвеевна принялась нажимать кнопки своего телефона, а Андрей с Бурбоном направились во двор. Вернулись довольно быстро: пес мгновенно взял след от двери, уверенно довел до ближайшего проулка, а там сел и только что лапами не развел. Судя по всему, здесь преступника ждала машина. А поскольку дождей давно не было, да и асфальт мели очень регулярно, ни о каком отпечатке протекторов можно было даже и не мечтать.

Лицо Веры Матвеевны окаменело. Судя по всему, сообщение ей крайне не понравилось. Не порадовал ее и ответ коменданта, который сообщил, что ключа от заветной двери он найти не может. И не помнит, был ли он у него вообще. Теоретически ключ должен быть у охранника возле ворот. Но охранника у ворот не предусматривалось вообще.

Круг замкнулся.

– Во время строительства дубликат любых ключей мог сделать кто угодно, – сказала Вера Матвеевна.

– И этот «кто угодно» знал, что сегодня в солярии будет

загорать буквально «золотая девица»? У нее ведь, наверное, и деньги в сумочке были?

– Были, – вскрикнула Ирина, – конечно же были! Она мне сто баксов вот от такой пачки отделила.

И Ирина в простоте душевной показала толщину пачки банкнот. После чего сразу же поняла, что сделала очередную глупость и окончательно увяла.

– Значит, сто долларов? – почти ласково спросила Вера Матвеевна. – Голубушка, с завтрашнего дня ищешь другое место. Потому что здесь ты больше не работаешь. Присвоенные деньги, точнее взятку, можешь оставить себе в качестве выходного пособия.

Вот теперь уже Ирина разрыдалась по-настоящему, но утешать ее снова никто не стал. Все направились наверх в глубоком молчании, оставив фотографа и эксперта заканчивать осмотр места преступления. Хотя все прекрасно понимали, что в помещении, которое ежедневно посещает как минимум десять человек, определить какие-то следы – проблематично. Мягко говоря.

Наверху девица-следователь, имя и фамилию которой никто толком не расслышал, расположилась в действительно пустующем кабинете администратора и попросила пригласить к ней двух телохранителей неизвестной покойницы. Когда они вошли, в маленькой комнате стало просто не повернуться: два массивных, накачанных охранника, похожие друг на друга, как близнецы, заняли практически все свобод-

ное место в помещении. Как два нестораемых шкафа.

– Кого вы привезли сюда? – задала первый вопрос следователь, открывая чистую страницу для нового протокола. – Фамилия, имя, от...

– Кого надо, того и привезли, – буркнул один из охранников. – Докладывать первой встречной не обязаны.

– Видите ли, – иронически улыбнулась следователь, – я не первая встречная, а сотрудник прокуратуры. Следователь Керн Виктория Викторовна. Вот мое удостоверение.

– Ну, допустим, – пробурчал один из «шкафов». – Мы-то при чем? Стояли, курили, Лолу ждали.

– Какую Лолу? – терпеливо спросила Виктория Викторовна.

– Известно, какую. Подругу шефа.

– А шеф у нас кто? – все с тем же ангельским терпением продолжила следователь.

– Олег Ростиславович.

– Фамилия у него имеется?

Амбалы обалдело переглянулись. Они, видимо, и представить себе не могли, что кто-то не знает их шефа. Полный отстой!

– Наш босс, Медведев, бизнесмен, – выдавил из себя наконец один из телохранителей. – В этой поездке нас к его подруге определили. Чтобы, значит, ничего не случилось...

– К сожалению, случилось, – сказала следователь. – Нет больше вашей Лолы. Умерла Лола.

– Как? Когда умерла? Мы же...

– Полчаса назад в солярии был обнаружен труп женщины, которая, как стало известно, приехала сюда в вашем сопровождении. Желаете взглянуть пока в морг не увезли?

Но телохранители явно впали в мощный ступор и не могли вымолвить ни единого слова, только тупо пялились друг на друга и на присутствующих. Виктория Викторовна со вздохом поднялась из-за стола и сказала:

– Ну, пошли, опознаете. Потом сюда вернемся.

За несколько минут до этого в солярии появились вызванные оперативником санитары и уложили труп в черный мешок, а затем – на носилки и понесли к машине «Скорой помощи». Так что там и пришлось мешок приоткрыть и труп продемонстрировать.

Процедура заняла несколько минут, после чего невезучие телохранители представились, как было положено, предъявили паспорта и доложили, что Лола, то есть Лолита, Лолой они ее промеж себя называли, в последнюю минуту решила, что на вечернем приеме у мэра города должна быть загорелой. И потребовала, чтобы ее отвезли в самый крутой солярий в городе. Вот и дозагоралась.

– Когда вы ее ждали, мимо вас кто-нибудь подозрительный проходил? Кто мог бы узнать машину? – продолжила следователь, подойдя к стойке администратора.

– Нет, – покачал головой один из охранников. – Да и кому она нужна, Лола-то? Она с боссом несколько дней, еще нигде

не засвечивалась. В этот городишко мы только сегодня утром из Москвы прилетели.

– Так она в Москве познакомилась с вашим боссом?

– Познакомилась? – заржал было один из телохранителей, но вовремя осекся. – Да, снял он ее в Москве, где – точно не знаю. В ресторане, наверное. Или в казино.

– Ваш босс женат?

– Вроде бы.

– Давно у него связь с потерпевшей?

– Без понятия, – пожал плечами один из охранников. – Может, неделю, может две.

– А что было в самолете? Она поссорилась с вашим боссом?

– Нет, – хором ответили охранники. – Они и не общались почти.

– Может быть, с вами еще кто-то летел? Чужой.

То ли следователь считала дело заведомо безнадежным, то ли ей просто было жарко и скучно, но, задавая вопросы, она лениво перелистывала страницы журнала посещений.

– Мы летаем только частным самолетом, – с гордостью отозвался второй охранник. – У нас на борту чужих не бывает.

– А кто там был, кроме вас и Лолы. Ну, босс, естественно.

– Секретарь. Телохранитель босса. Две стюардессы и бортпроводник. Вот и все.

– Где они теперь?

– Секретарь и телохранитель с боссом, а эти, из самолета – понятия не имею. Расслабляются, небось, где-нибудь.

– Вы всегда летаете с этим экипажем?

– Да, босс не любит новых лиц. По-моему, года три все время одни и те же. Денежки-то платят хорошие, какой дурак откажется. Стюардессы, правда, бывают новые, но редко, только если кого-то из постоянных подменяют на один-два рейса.

– А что было сегодня?

– Ничего. Босса встречали, он уехал по делам сразу из аэропорта, велел нам устроить Лолу в апартаментах и быть готовой к семи вечера.

– В каких апартаментах?

– Ну... Это, собственно, такой коттедж... отдельный. За забором, с охраной.

– У нас апартаментами называется коттедж для вип-персон, – подала голос Вера Матвеевна. – Такой двухэтажный домик, холл, камин, бар.... Наверху две спальни, внизу столовая, гостиная, приемная, внизу – сауна с бассейном, бильярд. Все только лучшее. Но мы отвлеклись от темы, простите, госпожа следователь...

Говорила она по-прежнему спокойно, но мыслями явно была где-то в другом месте.

– Меня зовут Виктория Викторовна, я, кажется, говорила, – слегка поморщившись ответила та. – Вы правы, давайте по существу. И прежде всего, давайте выясним, кто был

записан в солярий на двенадцать часов дня.

– Позвольте журнал, – сказала Вера Матвеевна, а зареванную Ирину спросила: – Тамару отыскиали, наконец? Кто сейчас работает за администратора?

– Нина, косметичка.

– Все лучше, чем ничего. Но день, конечно, пропал. Где эта запись?

В журнале записи фигурировало: Нат. Георгиевна. И больше ничего. Ни длительность процедуры, ни контактный телефон, хотя у всех остальных клиенток такие пометки были.

– И часто у вас бывает эта Нат. Георгиевна? – осведомилась Виктория Викторовна.

– Понятия не имею, – покачала головой Вера Матвеевна. – Да меня это и не касается. Я – администратор отеля, а не салона.

– А кому принадлежит салон?

– На этот вопрос вам может ответить только директор Отеля, – пожала плечами Вера Матвеевна. – Я не уполномочена раскрывать коммерческие тайны даже в интересах следствия. У меня – только общее руководство.

– Может быть, она первый раз записалась, а потом передумала? – робко предложила свою версию Ирина.

Вера Матвеевна не удостоила ее даже взглядом, она внимательно рассматривала следователя. Кого-то эта молодая женщина ей напоминала, но кого? Где она могла ее видеть?

Одета скромно, все остальное – очень неброско и строго, в их отель такие женщины не ходят. На пальце – обручальное кольцо и больше никаких украшений. Даже уши, кажется, не проколоты. Удивительно все-таки знакомое лицо...

– Ладно, объявится Тамара, все выяснится, – сухо сказала Вера Матвеевна, оставив попытки вспомнить, где она видела рыжеволосую девушку-следователя. – Я могу идти или ко мне есть еще вопросы?

– Если возникнут, – я пришлю повестку, – так же сухо отозвалась следователь. – Причин задерживать вас не имею. А вот Ирине придется проехать с нами и поговорить поподробнее. Да, Вера Матвеевна, вы можете связаться с... другом этой Лолиты? Его ведь нужно для начала предупредить, а потом уже на допрос вызывать.

– Медведева – вызывать? – от изумления Вера Матвеевна выдала вопрос не своим голосом, а фальцетом.

– А почему бы и нет? – пожала плечами следователь. – Он что, недосыгаем и неприкасаем?

– Фактически...

– Не фактически, а практически. Кто он: депутат? генерал? министр?

– Медведев – крупный и известный бизнесмен, – обрела, наконец, почву под ногами Вера Матвеевна. – При нем все навывтяжку стоят. Правда, лично я пока его еще не видела, но...

– Да? – безучастно обронила следователь. – Интересно.

Но я мало общаюсь с бизнесменами, тем более – крупными, так что опыта у меня нет. Хотя навытяжку перед ним стоять не собираюсь.

– Вы такая смелая? – не удержалась от ехидного вопроса Вера Матвеевна.

– Я? Я – трусиха, каких поискать. Темноты боюсь, собак беспризорных... Но крупных бизнесменов не боюсь, равно как и мелких. Знаете, как раньше говорили: «Ниже рядового не разжалуют, дальше Кушки не сошлют». Простите, я отвлеклась на абстрактные темы. Кстати, вот и мои коллеги, так что здесь мы предварительную работу закончили, остальное будем делать в конторе.

Вера Матвеевна, повинаясь какому-то непонятному ей самой чувству, протянула следователю свою визитную карточку.

– Вот телефоны, по которым меня всегда можно разыскать. Если смогу быть чем-то полезна.

– Спасибо за помощь следствию, – чуть усмехнулась следователь. – У меня, к сожалению, визитки нет. Но где меня найти, вы, конечно, знаете.

– До свидания, – царственно кивнула Вера Матвеевна и направилась к выходу из салона.

Поднявшись в свой кабинет, она первым делом позвонила начальнику охраны отеля, приказав, во-первых, достать Тамару хоть из-под земли, хоть из-под любовника, а во-вторых, выяснить все, что возможно про следователя Викторию Вик-

торовну Керн. И в-третьих, сделать оба эти дела как можно скорее. Точнее – немедленно.

Ждать Вера Матвеевна умела, как никто, но очень это не любила. Поэтому решила занять время ожидания поездкой к президенту местного отделения нефтяной компании, где сейчас теоретически и должен был находиться Медведев. Передать новость лично, а заодно и познакомиться.

Другого такого случая могло просто не представиться. Прошлый раз ее с крупным бизнесменом не познакомили, да и в самый первый его приезд – тоже обошли почему-то. А быть не в курсе важного дела или не знать кого-то важного лично Вера Матвеевна любила еще меньше, чем ждать.

А главное, такого в ее жизни давненько не было.

Где-то в России много лет тому назад

Детство для нее делилось на две части: с отцом и без него. Отец запомнился ей уже таким, каким был в последние годы: замкнутым, неразговорчивым, готовым чуть что пустить в ход кулаки. Пил он много, и чем больше пил, тем больше мрачнел. А по утрам уходил на завод, где когда-то числился передовиком и героем труда, о чем все, кроме него, успели уже забыть.

Девочка помнила еще, словно в дымке, веселого и чуть хмельного отца во главе праздничного стола, за которым собирались родственники и друзья. Помнила мать, красивую, стройную женщину с лучистыми зелеными глазами, влюблено смотревшую на красавца-мужа и поминутно бегавшую на кухню за новыми блюдами. А когда отец начинал петь...

Тут уж весь стол замирал от восхищения: сложишь судьба по-другому, быть бы ему заслуженным артистом, стоять на сцене и собирать букеты от восторженных зрителей. С другой стороны, что такое певец? Тот же клоун, которому деньги платят за то, что он народ потешает. Рабочие люди – они самые уважаемые и есть, а талант... Одним талантом сыт не будешь, тут уж как повезет. Да и мало ли артистов под забором в нищете умирают?

Но те праздники девочке действительно запомнились навсегда, и всякий раз, когда доводилось слышать по радио или

телевидению чей-нибудь густой, красивый баритон, невольно вспоминались их чудесные семейные застолья. Кажется, последний раз это было, когда праздновали рождение ее сестрички. Только в этот раз отец не больно радовался: он хотел сына, парня, а не «еще одну писклю». И не очень-то скрывал свое неудовольствие, поэтому не пел и не шутил, а только наливал себе рюмку за рюмкой.

А потом отец начал пить все больше, денег же в доме стало меньше. Собственно «дом» – это сильно сказано: семья занимала одну комнату в бараке с печным отоплением и удобствами во дворе. На заводе обещали отдельную квартиру, но дело затягивалось, а когда отец из передовиков производства скатился до обычного работяги-выпивохи, вопрос о новом жилье как-то сам по себе заглох. Новых домов в городе строили мало, для «простых людей» – и того меньше, но даже в четырехэтажные «хрущобы» в новом районе, на выселках, очередь была такая, что подумать страшно.

К тому же комната хоть и в бараке, да большая: аж двадцать пять метров на четверых. Санитарные нормы соблюдены, значит, и в очередь могут поставить только тогда, когда детей прибавится или барак совсем развалится.

Мать работала процедурной медсестрой в поликлинике, все соседи бегали к ней делать уколы или мерить давление, естественно, бесплатно. Пока в семье был мир и покой, никого это особо не волновало: людям надо помогать. Но когда отец перестал появляться дома трезвым, число «ходо-

ков» поубавилось. К тому же мать, краснея и заикаясь, стала просить платы за свои услуги: детей-то кормить нужно. Тут уж число нуждающихся в процедурах на дому и вовсе сошло на нет.

Девочка была способной, все учителя прочили ей большое будущее, в физике или математике, знания она буквально ловила на лету. Потому успевала и матери по дому помочь, и сестренку из яслей забрать, и от отца спрятаться за печкой. Иногда она мечтала, чтобы этот мрачный, вечно пьяный человек, от которого несло потом, дешевой водкой и табаком, куда-нибудь исчез. Чтобы его не было. Вообще не было. На мамину зарплату они как-нибудь доживут до окончания школы, потом она пойдет работать на стройку, там хорошо платят, и в семье будет достаток. И покой...

А потом стала отца ненавидеть. Произошло это после того, как она не уследила за младшей сестренкой и та подвернулась отцу под горячую руку. Отец отшвырнул от себя малышку, как котенка, та ударилась головой о массивный буфет...

Потом были бесконечные больницы, лекарства, уколы и, наконец, приговор: ушиб головного мозга, стремительное развитие опухоли. Малышка буквально сгорела за несколько месяцев.

Суда не было: не было свидетелей. Девочка побоялась рассказать то, что произошло на самом деле, молчаливо считалось, что ребенок просто споткнулся и упал, старшая сест-

ра не доглядела. Даже мать почти поверила в это и заметно охладела к старшей дочери. А потом ей и вовсе стало не до чего: после похорон ее с сердечным приступом отвезли в больницу.

И девочка осталась дома с отцом. Одна. Именно этого она боялась больше всего на свете. И именно это подтолкнуло ее выполнить то, о чем она давно думала, то, что продумала в мельчайших деталях. Сделать так, чтобы отец ушел из их с матерью жизни. Навсегда. И чтобы никто не догадался, как это произошло на самом деле. Не зря же она считалась в своем классе самой способной ученицей.

Она знала, что когда отец засыпал после солидной выпивки, разбудить его раньше времени было задачей совершенно нереальной. Он спал, как убитый, не слышал ничего, даже если над ухом у него кричать дурным голосом, даже если стулья ронять и посуду бить. И в один из таких вечеров, когда отец, выпив даже больше обычного, «отрубился», пришло время, чтобы он уснул еще крепче. Совсем уснул.

Терпеливо выждав положенный срок, девочка приоткрыла дверцу печи. Дрова прогорели, но тлеющих багровых углей еще оставалось достаточно для осуществления задуманного. Пусть отец спит, а она пойдет погуляет, потом скажет, что ей было слишком страшно оставаться с ним в одной комнате.

Впрочем, вряд ли ее будут о чем-нибудь спрашивать: несчастный случай именно потому так и называется, что

происходит случайно. Да и ее никто ни о чем не спрашивал: никому из соседей не было дела до того, как там ребенок живет с отцом-пьяницей. Не жалуется – и ладно.

Она встала на табуретку и закрыла заслонку печи. Оставшиеся крохотные язычки пламени тут же изогнулись в сторону комнаты. Теперь нужно было поставить табуретку на место, быстро одеться и уйти. Хотя бы в больницу к матери. Конечно, ее не пустят в палату, но она посидит в приемном покое, это-то ей обязательно разрешат. А отец пусть себе спит, недолго осталось. С завтрашнего дня у них с мамой начнется совсем другая жизнь.

Утром девочка дождалась, когда начала работать справочная служба больницы и подошла к окошку, узнать о состоянии мамы... Все, как всегда, состояние «средней тяжести», но надежда у врачей есть. Нет, посетителей пока не пускают, это реанимация, а не общая палата. Через несколько дней, может быть...

Девочка была готова к тому, что вернется домой к насмерть угоревшему отцу. Так и случилось. Она созвала соседей, искренне плакала. Просила помочь «разбудить папу». Естественно, это оказалось нереальным, и отца с диагнозом «угорел насмерть» отвезли в больничный морг.

И к этому она была готова и уже прикидывала, как сделает генеральную уборку, как наведет порядок к возвращению мамы из больницы, как они заживут с ней мирно и спокойно. Даже немного помечтала о том, что теперь-то после школы

не обязательно идти работать, можно и в институт попробовать поступить...

Но она совершенно не была готова к тому, что мама тоже уйдет из жизни, получив известие о гибели мужа. Ночью у нее случился второй инфаркт и врачи уже ничем не могли помочь. Так сказали девочке, когда она пришла навещать маму в приемные часы, надеясь, что ее уже перевели из реанимации. Перевели, сказали ей в справочной, только не в общую палату. А в морг.

В это невозможно было поверить. Девочка вышла из больницы, постояла немного на крыльце и плавно провалилась в пустоту без цвета и без звуков. Сознание покинуло ее вовремя и надолго, иначе неизвестно, выдержала ли бы она такой шок...

Через два месяца она выписалась из больницы и оказалась в детском доме. За это время она много думала и накрепко усвоила урок: убить человека очень легко. Особенно, если его ненавидишь. И очень легко сделать так, что никто тебя в этом поступке не заподозрит, нужно только быть очень осторожной и как можно меньше говорить и выражать эмоций. И еще хорошенько думать, чтобы твой поступок не сказался рикошетом на тех, кого и не собирался трогать.

Пусть ее считают заторможенной и бесчувственной. Пусть жалеют, сироту несчастную. Так еще можно продержаться, даже в провинциальном детском доме. В конце концов, там все одинаково несчастны, хотя круглых сирот – раз-два и об-

челся. У остальных родители живы, только мозги пропили и родительских прав лишились. Зачем таким вообще жить?

Детский дом. Как говорилось в одном популярном произведении «Дом малютки Скуратова». Больше сотни зверенышей обоего пола самого разного возраста, озлобленных и бесправных...

Интернат, в который определили девочку, находился в другом городе: в их захолустье таких учреждений не водилось. Родственников у нее не обнаружилось, во всяком случае, таких, которые согласились бы взять к себе нахлебницу. Да и те знакомые и приятели, которые когда-то так весело проводили время за столом при ее родителях, куда-то подевались.

И это был еще один урок, накрепко усвоенной девочкой: люди сторонятся чужих несчастий. Сочувствуют только внешне, а в душе плевать хотели на все, кроме собственного благополучия. Значит, нужно тоже думать только о себе и не впускать в свое сердце ни жалости, ни грусти, ни привязанности к кому бы то ни было. Все равно, никто никого не любит. Даже мама любила не ее, а пьяницу-отца, раз не захотела жить без него.

Даже мама... Что же тогда ждать от остальных людей? Только стиснуть зубы и терпеть, терпеть, терпеть...

До совершеннолетия девочки оставалось еще долгих три года...

Глава вторая. Виктория

Я просыпаюсь и, не открывая глаз, знаю, что через секунду прозвучит сигнал точного времени. Шесть часов утра. У меня давным-давно по утрам не включается радиоприемник, я его вообще редко слушаю, но привычка просыпаться в это время осталась. Судя по всему, на всю жизнь. Во сколько бы я ни легла накануне, какой бы усталой себя ни чувствовала, в шесть утра организм уже желает бодрствовать, нагло наплевав на свою хозяйку. Привычка, черт бы ее побрал! – вторая натура.

И этой привычкой, и многим другим я обязана своему отцу (царствие ему небесное), который воспитывал меня без преувеличения железной рукой. Никаких детских сентиментальных глупостей не было, до первого снега я ходила с голыми коленками и непокрытой головой, отвечать за свои поступки должна была самостоятельно и по полной программе, при этом жалость к самой себе не поощрялась. И профессию – следователь – мне, в общем-то, выбрал отец, хотя произошло это уже после его гибели. Я-то всегда хотела быть журналистом.

Возможно, если бы у меня, кроме отца, была мама, ситуация сложилась бы по-другому. Но мама умерла через два года после моего рождения, во время своих вторых родов. Умерла и новорожденная девочка, почему – я не знаю. Зна-

ла только, всегда знала, что отец маниакально хотел сына, но так и не получил вождя наследника.

Возможно, и хорошо, что мама ушла в иной мир: зная негибемый характер отца можно было предположить, что она рожала бы снова, и снова, и снова, пока не выполнила бы заветное желание супруга. Но и я тогда воспитывалась бы совершенно по-другому. Как? Я не знаю...

Пять минут седьмого... Я встаю с постели, поднимаю жалюзи на окне сначала в той запроходной шестиметровой камерке, которая гордо именуется «спальной», а потом – в проходной «гостиной», чтобы впустить в комнату свет бесконечного полярного дня. В квартире – стерильная чистота и абсолютная тишина, словно здесь сто лет уже никто не живет. Надо что-то делать, хотя бы как-то украшать жилище, иначе долгой полярной ночью без Михаила, который вечно торчит на буровых, я тут умом тронусь. Сейчас хоть в окно можно полюбоваться.

Я вижу перед собой все ту же самую картину: тундра с низкорослыми деревьями, убегаящая за горизонт. Погода снова изо всех сил делает вид, что здесь – знойный юг, поэтому дышать в квартире уже нечем. Кондиционеры, столь популярные в офисах этого города, в типовых окраинных четырехэтажках не предусмотрены проектом. Да и были ли кондиционеры в России, когда эти дома строились? Что-то мне сомнительно.

В большой комнате мне делать нечего, во всяком слу-

чае, одной. Мы с Михаилом успели только вынести шкаф, которым был отгорожен угол с кроватью покойной свекрови, да саму кровать – никелированное чудо дизайна начала прошлого века. Остались старенький диван, два продавленных кресла, да журнальный стол, в который Миша превратил обычный после того, как у него подломилась ножка. Интерьер – супер. Но с моей зарплатой следователя не расшикуешься, к тому же мне не хочется ничего делать... Ничего...

Я бреду на кухню, то есть в несколько шагов пересекаю комнату и оказываюсь в четырехметровом закутке, где с трудом помещается газовая плита на две конфорки, раковина, миниатюрный холодильник и небольшой стол с двумя табуретками. Третья задвинута под стол, она нам теперь не скоро понадобится... если понадобится вообще. Свекровь, Мишина мать, умерла этой зимой.

Так нам с ней и не удалось вкусить всей прелести общения совместной жизни. Может, и к лучшему, хотя женщина она была прекрасная, добрая, набожная... Только я – не такая. Господи, и кто планировал такие квартиры, да еще селил в них трех-четыре человека? Это же нормативы тюремной камеры! Впрочем, одной мне места с избытком хватает даже в этих «хоромах».

Включить кофеварку, сунуть хлеб в тостер. Пока завтрак готовится – ледяной душ и двадцать пять отжиманий. Довольно странное начало дня для молодой женщины, которая занимается все-таки умственной работой, то есть должна

явиться на службу к девяти утра. У меня есть стол в кабинете на троих, где, кроме двух моих коллег, есть электрический чайник и кондиционер. Вот такая немислимая роскошь, беда только в том, что кондиционер, как и двое моих коллег, дорабатывает положенный срок до списания «из принципа», но делает это кое-как, лишь бы не очень приставали. Удивительное сходство в поведении с моими коллегами!

Я кое-как делаю отжимания. Никто уже давно не заставляет меня вести активно-спортивный образ жизни, да и жизнь у меня теперь совсем другая, но – привычка. К тому же упорядоченность и некоторая монотонность существования позволяет мне забывать о моей проблеме и даже неплохо существовать в изменившихся условиях. В общем, я не жалуясь на жизнь, я просто пытаюсь в нее вжиться.

Я не жаловалась на жизнь и когда была маленькой, потому что другой не знала и не представляла. Папа был военным, после моего рождения его перевели в другой гарнизон с повышением в звании. А после смерти матери он сам подал рапорт о новом переводе, его просьбу, удовлетворили и даже опять повысили в звании. Из небольшого уральского городка, где я родилась, мы перебрались на Дальний Восток, которого я, естественно совершенно не помню. А уже оттуда – в военный городок под Тюменью, где отец был полковником и самым главным.

Поэтому я видела его не слишком часто, и оказалась в местном детском саду, где была самой маленькой и самой

одинокой. У всех детей были родители, у многих – старшие и младшие братья и сестры, даже бабушки и дедушки существовали, правда, по большей части, где-то далеко. Но они были, а у меня был только отец. И то поздним вечером и ранним утром. К тому же я так и не научилась играть в куклы и прочие девичьи забавы, мальчишеские развлечения привлекали меня гораздо больше, но к ним меня не очень-то подпускали. В результате, чужая обоим «лагерям», я довольно рано привыкла к одиночеству.

Может быть, поэтому, меня не слишком тяготит нынешнее состояние. Муж, ради которого я и взяла назначение в этот город, пропадает на нефтяных приисках, домой приезжает от силы раз в месяц. Я не могу жить без него, а он – без нефтяных вышек. Такой вот своеобразный «любовный треугольник». И жаловаться мне не на что и не на кого: Мишка был таким же одержимым, когда мы только познакомились. Бачили очи, шо куповалы... Мне иногда бывает немножко грустно, но я этим ни с кем не делюсь, равно как и остальными своими переживаниями.

Я всегда была... замкнутой и не слишком разговорчивой. В детском саду меня не дразнили и не обижали (дочь полковника!), но просто не замечали. Да и говорить я начала поздно, хотя к двум годам, как рассказывал отец, я что-то уже довольно связно и четко излагала, но после маминой смерти замолчала надолго. Объяснялась, в основном, жестами, если уж никак нельзя было обойтись без объяснений. Сослужив-

цы советовали отцу показать меня специалистам в Тюмени, но он только отмахивался:

– Врачи! Мать ее погубили, чем ей помогут? Изуродуют только.

Возможно, конечно, молчаливый ребенок его вполне устраивал. Тем более, я практически не болела, так что забот со мной было немного. А уж слова «Подъем» и «отбой» я понимала не хуже солдата, и выполняла соответственно. С трех лет я умела одеться, обуться, заправить кровать и умыться за пять минут. Можно назвать это дрессировкой, но отец называл воспитанием. Не знаю...

Первое слово я сказала, когда мне было года четыре. Отец тогда уехал в командировку и меня отводила в детский сад и забирала из него соседка по квартире, Нина Филипповна, пожилая, полная женщина, жена подполковника. Их взрослые дети давно уже разъехались по стране, приезжали в гости лишь изредка, и внуков понянчить Нине Филипповне пока не пришлось. Она пыталась перенести всю эту нерастраченную нежность на меня, но отец подобные попытки жестко пресекал: считал, что баловать его дочь совершенно ни к чему, станет неженкой и кривлякой, как все женщины.

Только потом я поняла, что отец женщин не любил вообще, считал их недоразумением, годными только для ведения домашнего хозяйства да продолжения рода. Точно знаю, что после маминой смерти у него не было женщин: в военном городке утаить ничего невозможно, а отец и в командировках

вел себя, как дома: только дело, ничего лишнего, особенно — никаких сантиментов.

Так вот, мое первое слово предназначалось Нине Филипповне, когда та в первый раз попыталась помочь мне постелить постель. Я сказала: «Сама». Потом подумала немного и добавила: «Не маленькая». Эту историю Нина Филипповна потом много лет подряд рассказывала всем, кто соглашался слушать.

— Такая маленькая, хрупкая, а меня от постельки своей плечиком отодвинула и говорит: «Сама. Не маленькая». И даже не улыбнулась, а постельку заправила как солдат-старослужащий. Бедный ребенок! Из нее отец, по-моему, хотел бесполого робота сделать, так переживал, что сына у него нет, а есть дочка.

Вторая соседка, одинокая и интеллигентная Ксения Станиславовна, пыталась приохотить меня к музыке и художественному рукоделию, но совершенно безуспешно. Мне не хотелось часами разыгрывать на ее стареньком пианино гаммы, равно как и выводить иголкой по канве какие-то узоры. Зачем? Отец все равно не признавал в доме никаких «художественных излишеств» и вышитую думочку вряд ли бы одобрил.

К тому же и с его точки зрения все это была пустая трата времени, игра в бирюльки и дамские капризы. Его ребенок — изнеженная барышня?! Да никогда в жизни! Но от музыкальных упражнений мне увернуться не удалось, тем бо-

лее что и у нас самих музыкальный инструмент имелся.

Папочка мог бы и не переживать: он почти достиг своей цели. Во всяком случае, я не похожа на большинство женщин: меня не волнуют тряпки, косметика и прочая фигня, над любовными романами я зеваю, а сплетни ненавижу. Физические отношения мужчины и женщины довольно долго вызывали у меня чувство недоуменной брезгливости.

По телевизору-то много с некоторых пор можно было увидеть, а уж в общаге – и подавно, причем, как говорится, в натуре и с последующей разборкой полетов. Но я, ко всему прочему, четко усвоила из наставлений отца, что от таких занятий бывают дети и неприличные болезни, а вот уж это мне вообще было ни к чему.

Впрочем, мужская половина нашего студенческого коллектива проявляла ко мне ничуть не больше интереса: недостатка в веселых и незакомплексованных девушках не было, причем большинство из них физически были много привлекательнее меня. И вот только Мишка... Все, гимнастика окончена вместе с воспоминаниями. Наступает самый приятный момент моего дня. И этим нужно воспользоваться.

Первая утренняя радость – первый глоток кофе, горячий тост с сыром, первая сигарета. Когда-то я вывела для себя нехитрую формулу счастья: если я с удовольствием завтракаю, значит, накануне ничего особенно неприятного не произошло, грядущий день тоже вроде бы не готовит сюрпризы, значит...

Значит, сегодня о счастье можно забыть. Вчера был очень трудный день, причем все неприятности, связанные с убийством подруги некоего столичного магната и кражей у нее драгоценностей на сумасшедшую сумму, пока еще только начинаются. И подозреваемых нет — только если кто-то решил таким образом насолить этому самому магнату и нанял убийцу. Если...

Но киллеры не крадут у жертвы украшения и не убивают их в солярии. Наш медэксперт, конечно, почти правильно сказал насчет небольшого засоса на шее убитой, только немного ошибся. Девушке просто нажали на вполне определенную точку, что дает обычно мгновенный летальный исход.

Но только в том случае, если это делает профессионал, потому что не знакомому с этим приемом человеку практически невозможно задушить кого-то «в одно касание», да и в несколько тоже, если уж на то пошло. Этому меня учил мой Наставник, и неплохо выучил. Интересно, где он сейчас? Между прочим, если бы не странное, мягко говоря, воспитание, данное мне отцом, Наставник никогда бы не появился в моей жизни, а это было бы неправильно...

Кстати, о воспитании. Заговорив, я этим процессом не слишком увлеклась, предпочитая помалкивать. Может быть, это происходило потому, что я подсознательно чувствовала: отец младенческим лепетанием умиляться не будет, а вот общение «на взрослом» уровне для него было в са-

мый раз. Правда, со стороны это сильно напоминало отношения солдата и командира, но кто сказал, что это плохо?

К тому времени, когда надо было идти в школу, я превратилась в образцово-показательного солдатика, для которого самое главное – дисциплина, а приказы начальства обсуждению не подлежат. Кроме того, отец научил меня готовить: чистить картошку, варить кашу, жарить купленные в магазине котлеты.

В гарнизонный магазин, кстати, я тоже ходила сама, а потом отчитывалась перед отцом за потраченные деньги. Купить себе шоколадку или мороженное мне в голову не приходило: такие вещи были поощрением за примерное поведение и отсутствие нареканий. Справедливости ради скажу, что поощрения я получала практически каждую неделю. И всегда с одним и тем же вздохом:

– Была бы парнем, цены бы тебе не было.

В результате я искренне считала, что женский пол – это какой-то врожденный дефект, и что чем больше в моем поведении будет от мальчишки, тем больше мною будет доволен отец. Даже игрушки у меня были соответственные: конструкторы, всевозможные наборы «Сделай сам», модели самолетов и кораблей, которые нужно было клеить.

Не могу сказать, что мне это было очень уж интересно, но осваивала я эти «премудрости» довольно лихо. Если теперь я в состоянии сама поменять прокладку в водопроводном кране или справиться с перегоревшими пробками – то

в этом огромная заслуга отца, отлично подготовившего меня к самостоятельной жизни.

А в том, что я избавилась от этого комплекса женской неполноценности – огромная заслуга Михаила...

Но зачем профессиональному убийце воровать драгоценности? И зачем вору (если допустить, что это был вор) убивать несчастную девушку? Она мирно лежала под непрозрачным колпаком, слушала музыку из своего плеера, так что можно было спокойно вынести не только золотишко, но и все из солярия вообще. Зачем было открывать колпак, да еще снимать с жертвы черные очки, а потом снова их надевать? Может быть, убийца может убивать одним своим видом? Изумление-то в глазах был неподдельное, как будто она кобру увидела... Или трехголового теленка.

Вторую чашку кофе я наливаю себе чисто машинально – под очередную сигарету. Насколько я могу вспомнить, такие отступления от режима мною допускались крайне редко. Сейчас я должна была бы совершать сорокаминутную пробежку – как раз вокруг города по дуге.

Между прочим, неспешным шагом город можно обойти по периметру за час, и пересечь в любом направлении за тридцать минут. Правда, зимой это – удовольствие ниже среднего, но если грамотно одеться... В любом случае, в смысле кроссов город крайне удобен своей компактностью и безопасностью: движение интенсивностью не отличается. В другом месте так не побегаешь.

А город красивый... Широкие улицы, обсаженные низкорослыми, почти карликовыми деревьями, небольшие скверы. Кафе, сооруженное в старом (если не старинном) паровозе, которое местные жители называют «Анна Каренина». Новый храм, воздвигнутый на одном из холмов, и новая мечеть возле озера среди сосен. Интересный, одним словом, город.

Нет, со мной сегодня положительно происходит что-то странное, я даю волю эмоциям и пренебрегаю ритуальными процедурами. Даже в институте я так не распускалась. А уж при жизни отца...

В нашем военном городке была и начальная школа, хотя обучалось в ней в разные времена всего от двадцати до сорока детей во всех четырех классах. Как и воспитательницы в детском саду, так и учительницы в школе были офицерские жены, как правило, имевшие соответствующие дипломы. Это вообще-то редкая удача для супруги военного – работа по специальности. Ну, почти по специальности, особых знаний и педагогических навыков от них никто не требовал. Воспитывали и учили детей, как умели.

А в нашей маленькой семье день проходил по раз и навсегда установленному графику. Подъем – в шесть часов утра, заправка постели, зарядка, водные процедуры, сорокаминутная пробежка, завтрак. В семь тридцать отец уходил на службу, а мне полагалось полчаса на влажную уборку помещения и сборы в школу.

Возвращалась я из школы сразу домой, обедала, мыла за собой посуду и ровно час гуляла. Либо на велосипеде, либо на лыжах. Поскольку время для этого было обозначено раз и навсегда, гулять с кем-либо из моих школьных друзей и приятельниц было проблематично: в их семьях из расписания не делали культа.

Затем – уроки, приготовление ужина (а заодно и обеда на следующий день) и ожидание прихода отца. Это время считалось моим личным и напрямую зависело от того, как быстро я сумею справиться с домашним заданием, и как долго отец пробудет на службе. Плюс полчаса упражнений на пианино: отец, как ни странно, вполне прилично играл на рояле и считал, что разыгрывание гамм и этюдов способствует укреплению самодисциплины.

Забегая вперед, скажу, что из музыкальных занятий ничего не вышло ввиду абсолютного отсутствия у меня способностей. Ну, и тот самый медведь, который на ухо наступил. Даже отец это понял довольно быстро и отступил, вздохнув: – Не всякий пехотинец годен для военного оркестра. И на том, как говорится, спасибо.

Как я выполняла уроки, отец не проверял, он раз в неделю просматривал мой дневник. Видел в нем сплошные пятерки, ронял сухое одобрительное слово и поощрял материально. Или морально: разрешал сходить на день рождения, если меня к кому-то приглашали, или посмотреть у соседей художественный фильм по телевизору. Но только отечественный

и «правильный», типа «Дорогой мой человек» или «Коммунист». Можно было и книгу почитать, но тоже – идеологически выдержанную. Список отец составил лично и в гарнизонной библиотеке мне выдавали книги именно по нему.

До сих пор удивляюсь, как в этот список попали Александр Дюма и Вальтер Скотт. По-видимому, отец считал их «мальчишескими романами» (скорее всего сам не читал), посему не видел особой беды в том, чтобы после «Железного потока» одного из классиков советской литературы я ознакомилась с увлекательными похождениями благородных мушкетеров и прекрасной негодяйки Миледи.

Из этих же книг я почерпнула идею о том, что есть на свете такая штука, называется она «любовь» и ради нее, в основном, совершают либо подвиги, либо подлости. Так что тот еще компот сварился в моей коротко стриженной головке.

Впоследствии туда же добавилось совершенно невероятное количество специальной литературы. Моя беда (или, наоборот, редкий дар) заключается в том, что я, во-первых, без напряжения читаю сто страниц в час и почти стопроцентно запоминаю прочитанное. Причем запоминаю навсегда, нужна мне эта информация или нет. Тех же «Трех мушкетеров» я могу цитировать наизусть с любого места, а в институте поражала своих однокурсников тем, что, взглянув на страницу какого-нибудь учебника, могла безошибочно продекламировать любой, даже самый заумный пассаж.

Естественно, экзамены я сдавала без малейшего напря-

жения, а на подготовку к ним времени вообще не тратила. Правда, приступив к работе, я с огромным интересом обнаружила, что девяносто процентов полученных мною знаний совершенно бессмысленны на практике. Чего стоит «фиксация информации с помощью видеозаписи»! Но юриспруденция мне, в принципе, нравилась, хотя самым любимым предметом в институте были... занятия физкультурой. И это предпочтение тоже уходит корнями в мое детство.

Если бы в поселке был кружок фехтования, я бы, конечно, первая туда записалась. Но, увы, такового не было. Зато вполне исправно функционировали кружок художественной гимнастики, который зимой трансформировался в кружок фигурного катания, художественная студия и музыкальный кружок. Занятия музыкой я ненавидела, но тут отец был непреклонен. Так же, впрочем, как и в вопросе о моих занятиях художественной гимнастикой или фигурным катанием, на которые он наложил категорическое «вето».

– Жизнь штука серьезная, акробатика не поможет. Ты должна уметь в случае чего постоять за себя. А фигуристка, тем более, гимнастка – это не профессия, а так... бабочки.

«Бабочками» отец называл все, с его точки зрения, лишнее и бессмысленное, привлекающее только легкомысленный женский пол. И, следуя своей логике, отдал меня заниматься в кружок самообороны, где я была единственной девицей. Тогда восточные единоборства были не в почете, а почти запрещены, но наш преподаватель, родивший-

ся и полжизни проживший в Манчжурии, учил своих любимцев именно по восточной методике, создав собственную систему из элементов самых разнообразных школ. Как ни странно, меня он тоже включил в этот кружок избранных, чем я втайне ужасно гордилась.

И уж совсем втайне он дал мне несколько уроков специальных приемов, с которыми я могла практически ничего не бояться и голыми руками уложить трех человек в считанные секунды. Женщин, вообще-то, в такие вещи не посвящают, не положено, но для меня сэнсэй сделал исключение.

Впоследствии я много раз мысленно благодарила его за то, что он это сделал, поскольку если не жизнь, то человеческое достоинство и женскую честь мне это пару раз спасло. Отца я в эту тайну посвящать не стала, руководствуясь какими-то смутными предчувствиями, что ему это может не понравиться, а у сэнсэя, соответственно, возникнут неприятности.

У него и без меня хватало этих неприятностей. В группе занимался парень с буквально ангельской внешностью, которого за глаза прозвали «фиалка». Во-первых, за странное предпочтение к этому цветку: хоть рубашка, хоть галстук, хоть носовой платок обязательно были этого колера. А во-вторых, за цвет очей, которые больше подошли бы девчонке. Сколько живу, ни разу не видела парня с действительно фиалковыми глазами. Впрочем, девчонка с подобными очами мне тоже попалась всего одна – его младшая сестра.

Ко всему прочему, он еще был и красив: удивительной,

античной даже красотой. Греческий профиль, губы – «лук Амура», ресницы – с ума сойти. Девчонки и сходили, причем пачками. Но я после некоторых событий, о которых мало кто знал, на всю жизнь зареклась иметь дело с красивыми мужчинами. Во всяком случае, старалась держаться от них подальше.

Во-первых, я как-то случайно увидела, как наш Фиалка (на самом деле его звали, кажется, Леонидом), поймал маленького котенка и методично выкручивал ему лапки. Даже не выкручивал, а ломал, одну за другой, медленно, с наслаждением, которое отчетливо было написано на его красивом лице. По-моему, несчастный котенок уже погиб от болевого шока, во всяком случае, никаких звуков он не издавал, отчетливо слышался только сухой треск косточек.

Я убежала за угол дома, где меня стошнило от ужаса и брезгливости. Ничего подобного я в жизни своей не видела. Но никому не рассказала: отец раз и навсегда вбил мне в голову, что ябедничество и доносы – это совершенно неопишущая мерзость. Хотя разницу между доносом и рассказом об увиденном я понимала не слишком хорошо, но на всякий случай промолчала.

Второй случай был не такой... Хотела сказать «безобидный», но это слово тут не подходит. Тоже был мерзкий случай, только из другой серии. Фиалка избил какого-то малыша только за то, что тот нечаянно толкнул его, пробегая мимо. Ну, не избил, а применил несколько приемов, которым

нас учил сэнсэй. Мальчонка потом долго болел, а Фиалка, глядя на всех своими огромными, невинными глазами, только плечами пожимал:

– Он на меня налетел, да как-то неудачно. То ли в локоть врезался, то ли об ногу споткнулся.

Не верить ему в этот момент было просто невозможно. Я бы тоже не поверила, если бы не видела все это собственными глазами. И девчонки по-прежнему млели от этого невозмутимого красавца и ходили за ним хвостиком. Он был не из нашего городка, тут бы он вряд ли себе позволил такие фокусы: все свои, быстренько разоблачили бы. Но приходил заниматься восточными единоборствами, и первое время сэнсэй в нем души не чаял. А потом Фиалка совершил ошибку...

Одна из девчонок в нашем классе, менее других поддавшаяся чарам неотразимого Фиалки, внезапно оказалась в «интересном положении», причем спохватилась довольно поздно, когда избавляться от ребенка было уже невозможно. И вообще выяснилось все совершенно случайно: сама себя она, как выяснилось, считала девственницей, поскольку ни с кем из мальчиков «этого самого» у нее не было. Зато была пара походов на дискотеку с Фиалкой, но этот романчик быстро сошел на нет.

– Ничего у меня с ним не было! – рыдала девочка в кабинете директора. – И ни с кем не было. Мы с Леней когда последний раз ходили на диско, я на обратном пути споткну-

лась и у меня закружилась голова. Он меня подхватил. Дальше ничего не помню, то есть, наверное, потеряла сознание. Очнулась – сижу на лавочке неподалеку, Леня рядом со мной мне мокрым платком лоб промокает. Крови немножко было, наверное, поцарапалась, когда упала. Вот и все.

– Где кровь была? – устало спросила директриса.

– На платке...

Так эта история и осталась тайной. Девчонку родители быстренько спланировали в другой город к бабушке с дедушкой. Фиалка о ней ни разу не вспомнил, во всяком случае, в разговорах, которые долго не умолкали, участия не принимал. Меня же не покидало странное чувство того, что я знаю разгадку этого происшествия. Но прошел год, прежде чем все в моей голове встало на место.

Это произошло в спортивном зале после очередной тренировки с сэнсэем. У нас давно вошло с ним в привычку оставаться на четверть часа, когда все расходились, и в это время Наставник как раз и делился со мной некоторыми наиболее тайными хитростями своего мастерства. Больше он никому не доверял, и, как оказалось, был прав. Но об этом – чуть позже.

Он как раз объяснял мне, как можно двумя пальцами одной руки без особых усилий ослепить и обездвижить противника – на время, на неограниченный срок и даже навсегда.

– Единственный недостаток этого способа – остается довольно явственный след. Синяк небольшой, или след слиш-

ком пылко поцелуя. Но мало кто знает этот прием, а уж рядовые следователи и оперативники вообще о нем понятия не имеют. Так что «трупы без признаков насильственной смерти» – это еще не значит, что не было совершено убийства.

Собственно говоря, он уже передал мне массу подобных секретов, это был лишь один из них, но в этот раз произошло вот что. Краем глаза я увидела, как шевельнулась дверь, ведущая из мужской раздевалки в общий зал. Там явно кто-то был, и наверняка подслушивал. И моя безотказная память тут же выдала аналогичную мизансцену: тогда Наставник рассказывал о приеме отключения сознания у человека – тоже на время или навсегда. Все зависит лишь от того, с какой силой надавить на определенную точку сбоку у основания шеи. И тогда дверь вот так же колыхнулась...

В следующий момент я уже была рядом с ней и рывком распахнула ее. Фиалка не ожидал от меня такой прыти и не успел испариться. Правда, он не стал дожидаться гнева сэнсэя и смылся, а больше на занятиях не появлялся. Но и без того было ясно, что до этого подслушивал он регулярно, если не всегда. И потеря сознания девушкой, которую он провожал с дискотеки, стала понятна и объяснима. Для меня, во всяком случае.

Сэнсэю я ничего говорить о своих догадках не стала: и без того он жутко расстроился, что некоторые его смертоносные секреты могли попасть в нечистые руки. А то, что Фиалка

при случае не погнушается этими секретами воспользоваться, причем отнюдь не в целях самообороны – слепому ежику было понятно. Так же, как и то, что инстинкт самосохранения у Фиалки был развит отменно: через несколько недель, сразу после выпускного вечера, он уехал в другой город и, по слухам, поступил в летное училище. Больше я о нем ничего не слышала.

А я поступила в институт, где меня выставляли на все без исключения соревнования и олимпиады. Золотых и серебряных медалей я, честно скажу, ни разу не получила, но и чести нашего юрфака не посрамила. Гармонично развитая личность, прекрасное сочетание феноменальной памяти и отличной физической подготовки. Так что чем дольше я живу, тем больше благодарна отцу за воспитание, которое он мне дал, каким бы экзотичным оно ни казалось со стороны.

Это сейчас я постепенно начинаю понимать, вспоминая те годы, что отец проводил со мной все свободное время, которого у него было не так уж и много. Именно ему я обязана умением неплохо водить машину, быстро бегать и ходить на лыжах, ездить верхом, отлично плавать и... стрелять с обеих рук навскидку. Он же научил меня играть в шахматы, которые, по его глубочайшему убеждению, дисциплинировали мозг не хуже математики.

– Прирожденный снайпер, – вздыхал отец, разглядывая мои мишени. – И угораздило же девкой родиться! Куда теперь с таким талантом?

Тогда еще не было моды на женщин-снайперов, да и «горячие точки» только-только начали появляться. «Военный» — это звучало гордо, о так называемой «дедовщине» никто слыхом не слыхивал (свидетельствую: в нашем гарнизоне ничего подобного никогда не происходило, равно как и издевательства офицеров над нижними чинами). Думаю, мой отец собственноручно расстрелял бы любого офицера, уличенного в нечистоплотности, воровстве или садизме. В крайнем случае, немедленно отдал бы под трибунал.

Так что все зависит от командира, можете мне поверить. Если бы все офицеры были такими, как мой отец... Наверное, мы бы жили все еще в том, другом государстве, где над словами «честь и достоинство» никто не измывался. Увы...

Мне было двенадцать лет, когда рухнула железобетонная система под названием «Советский Союз», и я, естественно, ничего не поняла во всей той карусели, которая после этого завертелась. Отец сутками пропадал на службе, мотался по каким-то командировкам, я привычно училась и занималась самообороной, и дико комплексовала из-за странных изменений в моем организме.

Из тощего, угловатого подростка я превратилась в стройную девочку, небольшого роста, но мускулистую, с почти незаметным бюстом, но довольно длинными ногами, соразмерными, правда, остальному телу. Некоторые физиологические явления стали для меня довольно тяжелым испытанием: я чуть не спятила от страха, когда проснулась однажды

в лужице крови с довольно сильной болью внизу живота.

Спасибо Ксении Станиславовне: когда я, белая от ужаса, выползла в коридор, она мгновенно разобралась в ситуации, раздобыла где-то все необходимое для таких случаев и на пальцах разъяснила мне происходящее. То есть то, что я стала женщиной и теперь должна об этом все время помнить.

Почему-то мне показалось, что отца это событие не порадует, и информировать его о «чрезвычайном происшествии» я не стала. Сам же он, естественно, ничего не заметил: мелочи его никогда не волновали. Правда, мне пришлось просить его увеличить мне выплаты на карманные расходы: все эти приспособления для соблюдения гигиены стоили определенных денег, а тех, что давались «на мороженое», уже и на него-то не слишком хватало.

– Зачем тебе понадобились деньги? – поинтересовался он.

Сразу не отказал – уже хорошо.

– Я расту, папа, – скромно опустив глаза, доложила я. – Нужно приобретать специальные предметы для ухода за собой.

– Это какие же? – недоуменно вскинул брови отец.

– Ну, как тебе объяснить... Если бы я была мальчиком, то попросила бы денег на бритву и все такое прочее.

– А-а, «бабочки»! Надеюсь, ты не собираешься покупать краску и пачкать себе лицо.

– Не собираюсь. Речь идет о предметах гигиены, а не о косметике.

– Кто вас разберет, – махнул рукой отец.

Но денег стал давать все-таки больше. А я подвергла соседку допросу с пристрастием, узнала, что подобная заморочка будет продолжаться до старости и означает, что я готова к рождению детей. Между прочим, организм будет сигнализировать об этом каждый месяц. Вот удовольствие, действительно! Тут я сама пожалела, что не родилась мальчишкой: им такие напасти неведомы.

Моя безмятежная жизнь оборвалась довольно резко: на одном из учений, которые проводились все реже и реже из-за сокращения материальных возможностей, какой-то мальчишка новобранец случайно выдернул из гранаты чеку. По рассказам свидетелей, стоявший рядом мой отец успел вырвать у него гранату, оттолкнуть в сторону и примять гранату к земле собой. Шансов выжить у него, естественно, не было, да и хоронить то, что осталось, пришлось в закрытом гробу.

Мне только исполнилось шестнадцать лет и до окончания школы и поступления в институт оставался год. Командование поступило со мной в высшей степени гуманно: оставило в покое и даже приказало выплачивать мне ежемесячное пособие в размере половины отцовского оклада. Комнату за мной тоже сохранили – пока. Впрочем, ходили упорные слухи, что нашу часть скоро расформируют, а военный городок станет обычным поселком городского типа.

Оставалось продержаться год – до поступления в инсти-

тут. Я уже знала, что буду поступать на юридический факультет, потому что отец несколько раз высказывал желание видеть меня следователем. Не адвокатом, которых он почему-то недолюбливал, не правозащитником, а именно следователем.

– Профессия нужная, почти как военная, – говорил он. – Армию сейчас разваливают, смотреть больно, хуже – растаскивают по мелочам, да и по-крупному тоже. Кто-то должен выводить этих деятелей на чистую воду. Иначе будем жить в стране воров и мошенников.

При всей своей прагматичности отец оказался неплохим пророком. Первый раз я столкнулась с тем, что он предвещал, где-то через полгода после его гибели, когда меня вызвали в соответствующую инстанцию и объявили, что мой отец причастен к хищению со складов и продаже какого-то невероятного количества вооружения. Мне предлагалось добровольно выдать полученные за это деньги. Если не выдам – произведут обыск и, возможно, даже заведут уголовное дело – за пособничество.

– Обыскивайте, – пожала я плечами. – Но только по всем правилам, будьте любезны. Понятые – настоящие, а не из ваших сотрудников, и так далее по протоколу.

Высокий военный чин вытаращил на меня глаза. Несмотря на гадость и боль момента, мне стало смешно.

– Я готовлюсь поступать на юридический, читаю необходимую литературу. О каких-либо служебных злоупотребле-

ниях моего покойного отца не знаю, готова только сказать, что он их совершить не мог.

– Почему? – гаденько усмехнулся высокий чин. – Потому что он – ваш папенька?

– Потому, что он советский офицер и коммунист, – отчеканила я. – Знаю, что мы живем в другой стране, а слово «коммунист» стало чуть ли не ругательным. Но я пользуюсь этими понятиями, потому что он по ним жил. И погиб, как герой, между прочим. Как-то не очень вяжется: вор спасает мальчишку ценой собственной жизни. Вам так не кажется?

Чину вообще ничего не казалось, ему было ясно одно: такая красивая была версия – все списать на покойника, – может не пройти из-за упрямой, чересчур начитанной и идейной девчонки. И довольно прозрачно намекнул, что мое субъективное мнение никого не интересует, а квартиру можно отобрать легко и непринужденно.

Мне стало совершенно ясно, что в Тюмени мне будет нелегко, даже поступление в институт может оказаться проблематичным, если я начну бороться за справедливость и устанавливать советскую власть. Я проявила слабоволие и за справедливость бороться не стала, но зато кое-как дотянула до конца школы, не отправившись на оставшееся время в детдом. А, получив аттестат зрелости, отправилась сдавать экзамены в Свердловск, который только что перекрестили в Екатеринбург. Поступила без проблем, получила место в общежитии и стипендию.

Комнату оставила на попечение Ксении Станиславовны, хотя была не слишком уверена, что вернусь. Вторая моя близкая соседка – Нина Филипповна – уже уехала к детям в другой город и больше просить присмотреть за жилплощадью было некого. В том, что ее отберут, я, мягко говоря, сомневалась: военный городок вымирал на глазах и никому не был нужен. Меня хотели напугать – меня напугали. После чего о моем существовании вообще забыли, против чего я никоим образом не возражала.

Чувство ностальгии для меня было понятием относительным. Хотя отец и прослужил на одном месте чуть ли не пятнадцать лет подряд, военный городок меня не держал. Последние события начисто отбили охоту встречаться с людьми, которые попытались оболгать моего уже покойного отца.

Да, обвинение было выдвинуто где-то наверху, но ведь готовятся такие вещи не начальниками, а подчиненными...

Я решительно встряхиваю головой, отгоняя воспоминания. Обвинение... Мне сейчас нужно думать о том, кто и зачем убил эту несчастную девицу в салоне красоты. Для начала попытаться хотя бы определить, кому была выгодна эта смерть. А совсем для начала еще раз внимательно просмотреть журнал записи клиентов: при беглом пролистывании мне показалось, что загадочная «Нат. Георгиевна» мелькала там достаточно регулярно.

Да, а для начала нужно позвонить судмедэксперту, Вале-

ре, который занимался вскрытием трупа несчастной Лолы еще вчера. Интересно, что он там открыл, точнее, вскрыл? То, что девушка убита, а не погибла естественной смертью, лично мне было ясно даже до вскрытия: темно-синее пятнышко около шеи – это не засос, это то самое рассчитанное нажатие на точку, которое вырубает человека, как минимум, на пятнадцать минут.

Или убивает... Я помню, как сэнсэй показывал мне этот прием. Значит, кто-то еще его прекрасно знает и хорошо использует, только опять же – не для самообороны.

Лолу сначала отключили. А потом? Или перестарались? Или вполне сознательно отключили навсегда? Скоро узнаем, но пока очевидно, что преступник – мужчина. Женщины обычно пользуются другими приемами и методами.

Мне повезло: Валера у себя и уже заканчивает оформление отчета о вскрытии. Поэтому настроение у него еще не подпорченное, жарой он пока не измучен и общение с ним не должно вызвать никаких эксцессов. Эксперт у нас Валера классный, но характер... Неизвестно, когда и чего ожидать: блистательного раскрытия или элементарного хамства.

– Значит так, мать, – басит Валера, не тратя время на вежливые слова, типа «доброе утро» или «здравствуй». – Трупик интересный. В легких нет следов яда, но в организме есть некоторые признаки отравления. Впрочем...

– Что – впрочем?

– Есть яды, испаряющиеся моментально, есть признаки

удушения, совпадающие с признаками отравления. В данном случае через сутки вообще бы никаких следов не было.

– Обычно так не бывает! – искренне удивляюсь я. – Ведь иногда даже эксгумацию проводят через очень долгое время. И что-то обнаруживают.

– Ну, не знаю, как там обычно, а тут – тридцать три загадки. И в центр послать невозможно – не доедет, все симптомы исчезнут. Похоже, кто-то заставил ее вдохнуть смертельную пакость, причем этого-то она и испугалась.

– То есть понимала, что ее убивают бесповоротно? – уточняю я.

– Вот именно. Она прекрасно понимала, что именно происходит, значит, с ядом была знакома или хотя бы видела емкость с ним и слышала о его действии. А в остальном здоровье – хоть в космонавты. Жила бы себе девушка и жила до глубокой старости...

– А синее пятнышко на шее?

– Мать, это вульгарный засос. Мы же еще вчера это поняли. Девчушка-то не в монахинях служила, сечешь?

– Секу, – обреченно вздыхаю я. – Только если в это место пальчиком правильно нажать, человек теряет сознание, причем надолго. Так что я полагаю, сначала она увидела убийцу с ядом, а потом этот самый убийца ее отключил. Чтобы не мучилась.

– Что-то сложно у тебя получается. Может, он ее сначала просто вырубил...

– И бездыханное тело послушно вдохнуло смертоносное снадобье? Которого, на самом деле, могло и не быть?

– Это, мать, еще сложнее, хотя, не спорю, красиво. Но – для боевика, а не для реальной жизни.

– Придумай проще. Ладно, Валера, спасибо тебе. Пойду сейчас разбираться с порядками в салоне красоты. Хочу как следует с журналом поработать, не нравится мне эта Нат. Григорьевна, она там несколько раз мелькала, причем, кажется, в одно и то же время. И никто ничего о ней не знает.

– Пойди, пойди. Может, тебе там заодно бесплатно маникюр сделают.

– Ага. Или брови выщиплют, – в тон ему добавляю я. – Спасибо за информацию, дальнейших тебе успехов в труде.

– Сглазишь ведь! – орет Валера. – Мой труд и успехи... Да ну тебя, в самом деле.

– Ну прости, даже не знаю, что пожелать. Не удачной же охоты или «не пуха ни пера, ни хвоста ни чешуи»? Больше разрезов хороших и разных?

– Остроумица – бурчит Валера. – Покоя мне пожелай, а главное – кондиционер и пару холодного пива. Это именно то, чего мне не хватает для счастья.

– Не много же тебе нужно, – поддеваю его я. – Ну, желаю море пива с косяками воблы и все стены в кондиционерах. Пока.

– Арривидерчи, – бросает Валера и отключается. Кондиционер, кондиционер... Штука, конечно, классная,

и в салоне-то она точно есть. А вот в моем кабинете в прокуратуре... Минуточку! Я знаю еще одно место, где должны быть кондиционеры и куда мне тоже нужно заглянуть.

Или Игоря, оперативника, послать? Лариса-то у нас в больнице, администратор высшего класса, в курсе всех дел салона. Ладно, решу по ходу дела. Тем более, сегодня с утра Игорь должен коллектив салона опрашивать, на предмет личных отношений или неприязни. Обещал позвонить, когда закончит, только еще рано. Салон открывается в десять, сейчас еще девяти нет, значит, начинать рабочий день нужно будет именно с этой точки отсчета, пока туда клиенты не набежали.

Я быстро убираю остатки своего завтрака, споласкиваю чашку и пепельницу, надеваю легкий, почти невесомый, костюм, поскольку жара продолжала держаться, и готова отправиться совершать подвиги. Четкого плана у меня в голове пока еще нет, но я знаю: он появится вместе с первой зацепкой. Так что теперь нужно эту зацепку найти и вцепиться в нее намертво.

Зеркало в ванной показывает мне привычное до оскомины зрелище: рыжеволосое смуглое создание, которому давно не мешало бы сделать модную стрижку и привести в порядок руки и лицо. Но я как всегда ограничиваюсь тем, что закалываю свою рыжую гриву в узел и небрежно провожу по лицу пуховкой. Как говорила Ксения Станиславовна: «ни в мать, ни в отца, а в прохожего молодца», что всегда приво-

дило отца в тихую ярость.

Но я действительно совершенно не похожа ни на голу-боглазую блондинку – мою маму, ни на кареглазого шате-на – отца. Их портрет – единственное, что я везде вожу с со-бой, – самое яркое тому доказательство. Но характер-то па-пин, и уж это ни в каких доказательствах не нуждается. Чи-стота и аккуратность – да, при любых условиях. Всякие там финтифлюшки – ну, нет!

Подкрашивать глаза, губы, ресницы... увольте! Я и Ми-шу-то не слишком часто балую таким зрелищем, а уж ста-раться неизвестно для кого – вообще глупо. Потерпевшие, что ли, будут моим макияжем любоваться?

А может быть, все-таки взять себя в руки и попытаться поухаживать за собой, любимой? В бассейн записаться, он здесь классный, и народу никогда много не бывает... Ага, а заодно сделать в квартире ремонт, хоть бы и косметиче-ский, сменить хронически текущий бачок, треснувшую ра-ковину, отчистить темно-желтую от местной воды ванную...

Обои наклеить повеселее, занавесочки какие-нибудь по-весить: от грядущей темноты отгораживаться. Надо же чем-то заниматься, кроме работы и бесконечных ночных раз-мышлений в кухне с сигаретой. Так и умом недолго тронуть-ся. Решено: буквально с сегодняшнего вечера...

В этот момент звонит телефон и голос дежурного по го-роду сообщает мне, что в своей квартире, в двух кварталах от моего дома, обнаружен труп молодой женщины. Соседи

обратили внимание на то, что дверь в ее квартиру не заперта, а лишь прикрыта.

Специалисты уже оповещены, подтягиваются к новому месту действия, мне также надлежит быстренько подскокить на место преступления. Самостоятельно. Машина ушла с Игорем в гостиницу. А я – вот она, – живу, можно сказать, на соседней улице.

– Других следователей нет? – не могу удержаться от ехидного вопроса.

– Как всегда, Викуся, – басит дежурный. – Один в отгулах, другого вчера прострел настиг, еще с полудня. Ну что ты, не понимаешь, что ли?

Я понимаю. Понимаю, что мне выпала не самая светлая полоса в профессиональной деятельности. Именно мне, потому что больше действительно некому. Конечно, вместе со мной в прокуратуре трудятся еще два следователя, которым до пенсии осталось – всего ничего, и которые сразу, как только я появилась на работе, радостно свалили на меня практически все текущие дела, оставив себе только руководящие функции. «Молодым везде у нас дорога».

Но если до вчерашнего дня все происшествия действительно ограничивались пьяными потасовками и мелкими кражами, то на сегодняшний день мы имеем уже два трупа. Причем оба принадлежат молодым женщинам. Интересно, кто обнаружил очередной? И кто эта, вторая жертва пока неизвестно чья: тоже залетная путана или местная?

Честно сказать, я даже для себя не могла решить, какой вариант хуже.

Где-то в России тридцать лет тому назад

В интернате девочка старалась «быть как все», но окружающие чувствовали, что она – другая. Ее не интересовали нехитрые детдомовские радости: стащить с кухни кусочек какой-нибудь, покурить втихомолку в подвале, пустить по кругу невесть откуда взявшуюся бутылку дешевого пойла. Ну, и секс, конечно: не по возрасту развитые воспитанники детского дома считали, что это – один из неизменных атрибутов «красивой жизни». Покурить, выпить, потрахаться... Чего еще-то для счастья надо?

Ей же для счастья было нужно совсем другое. Отмучиться в этой полу тюрьме, полу казарме, вернуться в свою комнату в бараке, постараться поступить в институт. Если не получится в очный, то хотя бы в вечерний. Правда, в их городке высших учебных заведений не было, но ведь можно получить место в общежитии. Стать математиком, она любила точные науки и с удовольствием ими занималась. А потом – пойти преподавать в какую-нибудь школу в своем городке, где у нее жилье...

К тому же, на свою беду, она из гадкого рыжего утенка постепенно стала превращаться в красавицу. Ее не уродовали ни стандартная детдомовская стрижка, ни жуткое форменное платье, ни ботинки, больше всего напоминавшие

опорки. Достаточно ей было слегка улыбнуться и поднять на собеседника свои, унаследованные от матери, невероятной притягательности глаза, как вся убогая рамка вокруг точно исчезала.

Мальчишки проявляли к ней интерес и преследовали, зло и изощренно, за то, что она этим интересом явно пренебрегала. Девчонки, обладавшие куда более выигрышной наружностью, интуитивно чувствовали в ней какой-то внутренний аристократизм (хотя откуда бы ему взяться?) и безумно завидовали нежно белой коже, тонким пальцам и густой шапке волос цвета спелого меда. И тоже преследовали, еще более изощренно и гадко, чем представители сильного пола. А уж когда выяснилось, что она, несмотря на все сложности и подвохи – лучшая ученица класса, чуть ли не вундеркинд по детдомовским меркам – всеобщая ненависть была ей гарантирована.

И директор интерната, мужчина средних лет и апоплексического телосложения сразу выделил ее из числа других воспитанников. Тихая, скромная, учится блестяще, ни в каких глупостях не замечена, да еще и прехорошенькая. И молчаливая, жаловаться не склонна, все стерпит и не проболтается. Просто сокровище, изумруд среди битых стекляшек. Правда, сама своей прелести не понимает, совсем еще глупенькая, но у него глаз наметанный, именно из таких вырастают настоящие красавицы. Пообтесать бы ее...

Интерес директора к новенькой не укрылся от глаз окру-

жающих. Многие пытались открыть ей глаза на отеческие улыбочки директора, на его манеру класть ей руку на плечо, гладить по голове, приобнять за талию. Но она пропускала все эти намеки мимо ушей. Сами в грязи вывалились, так и других такими же считают. Да, директор ее хвалит, поощряет. Но ведь это потому, что она – лучшая ученица не только класса, но и школы.

Другие открыто подталкивали ее на скользкую дорожку. Стать подружкой фаворитки директора – это многое значило для детдомовских воспитанниц. А для воспитательниц возможность покровительствовать такой девочке, стать ее крестной матерью, наставницей и благодетельницей – значило еще больше. Ловушек и намеков девочка не замечала с доводящей до белого каления наивностью, упрямо придерживаясь своего видения вещей.

Прозрение пришло внезапно и было горьким. Как-то под вечер директор вызвал девочку к себе в кабинет, запер дверь на ключ и... От ужаса и боли девочка даже кричать не могла, не то, чтобы сопротивляться. А директор, получив свое, предложил ей отметить вступление «во взрослую жизнь»: налил ей и себе по стакану водки. Вот уж этого ему лучше было не делать: кошмарное видение пьяного отца и всего с этим связанного, вспыхнуло в памяти девочки так ярко, что она потеряла сознание. И на две недели попала в больницу: при интернате своей санчасти не было.

«Ярко выраженное изнасилование с лишением девствен-

ности, – значилось в первоначальном диагнозе. – Потерпевшая В. четырнадцати с половиной лет находится в психологическом шоке, отягощенном алкогольным отравлением, и самостоятельно пояснить суть произошедшего не может».

«Тяжелое протекание месячных на фоне алкогольного отравления, – значилось уже при выписке. – Больная получила необходимое лечение и выписана в удовлетворительном состоянии. Спиртные напитки категорически противопоказаны по крайней мере до совершеннолетия».

Про то, что случилось, девочка не рассказала никому, даже врачам. Она боялась, что вся эта грязь, в которой ее искупали, прилипнет к ней намертво, тогда интернатовские мальчишки (да и девчонки тоже) втянут ее в свои недетские забавы. А жаловаться на директора ей в голову не пришло, он сам ее предупредил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.